

© 1996 г. ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н.

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ» ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: МОДЕЛИ Ю. КРИЖАНИЧА (XVII в.) И М. МАЯРА (XIX в.)

Вводные замечания

История литературных языков может мыслиться как наука, реконструирующая реализованное во времени языковое сознание и языковое поведение лингвистических личностей, отразившееся во всем объеме созданных ими культурно значимых текстов.

Определяемая так история литературных языков оказывается необходимым компонентом единой истории, понимаемой как «наука о людях во времени» [1], а историко-лингвистическое исследование становится фрагментом единого исторического исследования, построенного на решении проблем, заданных диалогом изучающей и изучаемой культур.

Принципиально проблемное рассмотрение истории предполагает использование метода проблемного синтеза, основанного на проблемном конструировании материала, проведенного через структурно-функциональные вопросы. Применение интегрального вопросника переводит исторический памятник в разряд исторических источников: пока же вопросы не поставлены, исторический памятник находится вне любого исторического исследования. При этом репрезентативными, «сильными» источниками могут считаться источники, потенциально задающие «двойное видение» проблем: одно видение представлено в самом источнике как самооценка, тогда как другое выступает как оценка извне, как результат, полученный наложением на материал современной научной сетки. Разрешенная «сильными» источниками координация «внутреннего видения» и «внешнего видения» проблем порождает проблемное конструирование, являющееся сутью исторического исследования: реконструируя историю, исследователи всегда ее конструируют, ибо, какова была история «на самом деле», знать не дано [2]. Установка на проблемное конструирование истории позволяет обращаться с вопросами не только к доселе неизученным памятникам, но и к тем, которые уже подвергались исследованию, поскольку в центре внимания оказывается не столько сам материал, сколько новые проблемы, «скрывающиеся» материалом. В этой связи «обновленный вопросник» особенно необходим в отношении памятников, материал которых традиционно интерпретируется как нечто второстепенное.

В историко-лингвистической сфере к такого рода памятникам могут быть

Запольская Наталия Николаевна — канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

отнесены тексты, демонстрирующие модели «общеславянского» литературного языка, воспринимающиеся на фоне реально функционирующих славянских литературных языков как факты периферийной языковой рефлексии, доминантой которой является память о едином литературно-языковом прошлом. Между тем представляется возможным и даже необходимым поставить проблему создания «общеславянского» литературного языка в контекст общих проблем истории реальных славянских литературных языков и рассматривать «общеславянский» литературный язык как лингвистическую данность, максимально показательную для понимания духовных универсумов разных эпох. В ранг потенциально «сильных» источников, способных адекватно раскрыть характер движущегося во времени «славянского вопроса», могут быть возведены грамматические сочинения, ибо они демонстрируют не только модель «общеславянского» литературного языка, но и ее объяснение, т. е. позволяют дать стереоскопическую интерпретацию. Процесс исследования данных «сильных» источников можно представить как проблемное освоение теоретических установок и языкового материала, основанное на доминантных структурно-функциональных вопросах: «что» (состав языковых элементов), «как» (характер организации языковых элементов), «почему» (мотивация языковой структуры), «зачем» (цель, заложенная в языковой структуре).

«Общеславянский» литературный язык XVII в.: модель Ю. Крижанича

В XVI—XVII вв. «славянский вопрос» имел конфессиональный характер, ибо его сутью была идея преодоления духовной двойственности славян.

Возвращение славян в единое духовное пространство, т. е. собирание славяно-греческого и славяно-латинского духовных пространств, мыслилось как важнейший этап в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому. Подготовка к завершению «глобальной Унии», проводимая миссионерами Конгрегации пропаганды св. Веры в православных странах, заключалась в объяснении и обличении «неправильного отношения» друг к другу двух составляющих христианства — православия и католичества. Осознание православными славянами «неправильности», обусловленной разделением церквей, и осознание необходимости преодоления этой «неправильности» было возможно посредством замены «восточного» — греческого типа просвещения «западным» — латинским типом просвещения. Согласно предписаниям Папы, введение латинского просвещения должно было начинаться с учреждения иезуитскими миссионерами школ для изучения наряду с классическими языками «простых» языков. Такое сугубо лингвистическое снятие дистанции между «восточным» и «западным» просвещением было мотивировано тем, что в эту эпоху язык выступал как способ познания, т. е., познавая язык, можно было приблизиться к познанию как таковому [3].

Регулятивное положение абстрактного языка в структуре познания поддерживало идею бесконечного совершенствования конкретных языков посредством тотальной критики и многомерного анализа. Потенциально являясь сферой критики и анализа, каждый язык призван был стать образцом функционального и формального порядка. Пропозициональная роль принадлежала функциональному порядку, который определял необходимость построения исходной функционально-генетической иерархии, задававшей любому языку «свое» место в бытии и в истории. Только внутри предустановленного функционального порядка мог реализоваться формальный порядок, достигавшийся посредством своеобразной селекции языковых элементов, целью которой была гармония означающего и означающего. При невозможности достижения гармонии средствами одного языка допускалась поддерживающая трансляция элементов другого, иерархически определенного языка.

Великая утопия создания «абсолютно прозрачного языка», в котором все значения получили бы четкое выражение, не только завоевывала реально существовавшие классические и новые «простые» литературные языки, но и порождала искусственные языки, которые также нуждались в критике и в анализе, т. е. в обсуждении и в объяснении, исходя из некоего идеального порядка, которому ни один язык не мог следовать в точности. Идеи «западного» просвещения усиливали обязанность «быть прозрачным» в отношении «простых» — реальных и моделируемых — литературных языков, поскольку их «однопорядковость» определяла доступность познания для людей «простых», «непросвещенных». Обретая в процессе критики и анализа «достоинство» (*dignitas*), «простые» литературные языки, наряду с классическими, получали фиксацию в грамматических сочинениях, представляющих собой своеобразные проекты исчерпывающего упорядочивания.

Таким образом, пространство встречи славяно-греческого и славяно-латинского миров, мыслимое как единение через подчинение, сначала должно было стать пространством «правильного языка», чтобы затем стать пространством «правильной веры».

Выразителем идеи создания конфессионально мотивированного «общеславянского» литературного языка можно считать иезуитского миссионера, хорвата по национальности Ю. Крижанича, известного своими лингвистическими сочинениями «Объяснѣнїе вѣводно о писмѣ Словѣнском» (1660—1661) и «Грамаѣтично изкѣзанїе оу Рѣскомъ jezїку» (1666) [4].

Характеризуя Ю. Крижанича как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII в.», исследователи все же отмечают его «лингвистическую загадочность», не позволившую до сих пор решить вопрос о структурно-функциональном статусе декларированного им литературного языка. Вопрос заключается в том, является ли предложенный Ю. Крижаничем вариант «общеславянского» литературного языка «полной и равномерной смесью нескольких существовавших в то время славянских языков, или он выдумал большое количество слов, или же он брал будь то хорватский, будь то русский или церковнославянский книжный язык своего времени как основу и главную составную часть» [5]. Представляется, что одной из веских причин столь разных суждений о филологической деятельности Ю. Крижанича служит недостаточное понимание экстралингвистической и лингвистической мотивации его замысла и, как следствие, недостаточное понимание структуры и функции кодифицированного им литературного языка. Между тем сочинения Ю. Крижанича, рассмотренные в духовных координатах своей эпохи, дают некоторую возможность реконструировать логику его лингвистических умозаключений и построений.

Отправной точкой для реконструкции лингвистической логики Ю. Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмысляет как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной ... и потому я полагаю, что отправиться для собеседований с ними не значит еще идти проповедовать веру (какое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их к добродетелям, к науке и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать им заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» [6]. Поскольку в деле просвещения не следовало пренебрегать низшими из свободных наук, Ю. Крижанич, как и подобало иезуитскому миссионеру, начал именно с «грамматики», т. е. счел своей главной просветительской задачей исправление языка («изправльѣнїе и изтежѣнїе и совершѣнїе jezїка»), ибо только совершенный язык ведет к совершенству ума и души («ко ѱразумльѣнїѣ благоговѣнїихъ отчѣскихъ дѣл и дѣлшн спасѣнїи совѣтовъ» ГИ, V).

Однако «включение» в «грамматическое дело» любого языка предполагало предварительное функциональное осмысление этого языка. В соответствии с требованием функционального порядка Ю. Крижанич представил сначала функционально-генетическую иерархию славянских языков, разноразноуровневыми центрами которой были «русский язык» («*рѹскѣи ѣзык, рѹска отміна*») и «хорватский язык» («*херватскѣи ѣзык, херватска отміна*»).

Провозглашенное генетическое главенство «русского языка», т. е. представление его как источник славянских языков («*всѣм вершина и коренѣка*» ГИ, III), мыслилось Ю. Крижаничем как объективно данное состояние, зафиксированное классическим историческим знанием («*давнѣиим Грѣцким и Римским писателем јест вѣло пѣзнано*» ГИ) и принятое новой исторической наукой («*Мартин Кромер (Cromer M. De origine et rebus gestis polonorum. 1555.— Н. 3.) ово всего словинского народа початкѣ пишет ...вси ти народи произидоша из Рѹси*»).

Оцениваемая историческим знанием как объективно заданная, генетическая значимость русского языка поддерживалась реальной функциональной значимостью, которая проявлялась в государственной защите языка, приведшей к тому, что все государственные дела на Руси оформлялись на русском языке («*домашним ѣзиком вивѣдѣт отпѣвљана*» ГИ, IV).

Приведенная Ю. Крижаничем система доказательств должна была свидетельствовать о том, что «абсолютное» генетическое и функциональное право принадлежало «русскому языку», который понимался Ю. Крижаничем как реальный язык, напрямую соотношенный с языком-основой.

Что касается «хорватского языка», то он обладал «относительным» локальным преимуществом, определяемым субъективными представлениями самого Ю. Крижанича как носителя чакавского диалекта («*стѣроје, заѣдлноје и чистоје изрикѣнје се јест обрѣтѣло за мојега дѣтѣнства*» ГИ, III).

Предустановленное функционально-генетическое превосходство «русского языка» мотивировало, по мысли Ю. Крижанича, его право стать культурно доминирующим языком, общепонятным для всех славян («*общим ѣзиком даби от вѣсѣх вѣло разѣмљено*» ГИ, I). Однако само это право диктовало «русскому языку» обязанность стать структурно совершенным, т. е. обладание функциональным «достоинством» вызывало необходимость обретения формального «достоинства», ибо ни один язык не мог быть изначально совершенным («*небѣаше ѣзкони вѣка совершен*» Об, 29). Исконное «несовершенство» «русского языка», как любого другого языка, усиливалось, по мнению Ю. Крижанича, приобретенной «неправильностью», обусловленной тем, что «русский язык» был как бы разделен на три языковые данности: разговорный язык Московской Руси («*Рѹскѣи бѣщѣи, и подлѣннѣи: конѣ на вѣлѣнокъ Рѹси говѣрят*»), разговорный язык Юго-Западной Руси («*Бѣлорѹскѣи: кнѣ јест нѣкое мерзко смѣшанје из Рѹского и Лешкого*») и книжный цсл. язык («*Кнѣи жнѣи, или Преводничскѣи: кнѣ тѣко же јест мѣшанѣна изъ Грѣцеского да Рѹского дрѣвнѣего*» Об., 28). Именно обширная вариативность, объясняемая дистанцией, существовавшей между книжным и разговорным языком, а также иноязычным влиянием, привела к языковой «неразумности» конфессиональных и светских текстов («*во светѣом вѣожѣм писмѣ и всѣкѣх превѣдѣх нѣших ... мѣло разѣма*» ГИ, V).

Явленная в текстах определенная несостоятельность самого языка дополнялась, по мнению Ю. Крижанича, «неправильными размышлениями» о языке, представленными в грамматике М. Смотрицкого («*Грамматѣки Главенскѣи правѣлноѣ Синтагма*»), первоначально изданной в Юго-Западной Руси (1619), а затем принятой в основных своих параметрах и в Московской Руси (1648). Соглашаясь признать лингвистическое усердие М. Смотрицкого, Ю. Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, реализовавшей принципы *ad modum* и *ad fontes* и тем самым кодифицировавшей книжный язык, соотношенный с классическими языками, максимально дистанцированный от разговорного языка и об-

ладавший усложненной структурой, требовавшей лингвистической эрудиции («Мелетий Гмолитский ... захотел нашего языка на Греческие Ѹзори претварјат» ГИ, V). Необходимая «правильная» грамматика «русского языка» представлялась Ю. Крижаничу как грамматика, кодифицировавшая «простой» литературный язык, принципиально самодостаточный, минимально дистанцированный от разговорного языка и имевший более простую структуру, доступную для понимания людей «непросвещенных».

Требуемая «грамматическая работа» («граматично радинје») мыслилась Ю. Крижаничем как постепенный, системно реализуемый процесс осмысления языкового материала: критика языка («разеѡжанје») — анализ языка («објасњење») — фиксация критики и анализа («кратка правила»: «Објасњење вѡводно о писмѡ Гловѡнском», грамматика: «Грамаѡично изказанје об рѡском језику»).

Содержанием «грамматической работы» явилась глубинная селекция «русских» языковых элементов на фоне языковых элементов других славянских языков, направленная на достижение «русским языком» генетической, функциональной и структурной «однопорядковости». Поскольку теоретические установки, реализованные в процессе языковой селекции, были имплицированы в материале и не сводились Ю. Крижаничем в единый кодекс, представляется необходимым построить по отдельным «терминологическим поговоркам» теоретический кодекс и согласовать его с современным кодексом, являя тем самым координацию «внутреннего» и «внешнего» видения.

Селекция «русских» языковых элементов (теоретические установки)

«Внутреннее видение»

«Внешнее видение»

языковые элементы

јних језиков → своји

иноязычные → исконные

внимјашљени → обичајем Ѹкрѡпљени

неупотребительные → употребительные

особити → обични

нестандартные → стандартные

межѡ собою
сподовни,
по извѡткѡ

чинјат
разлѡченје,
потрѡбни

разрешающие
омонимию,
синонимию

снимающие
омонимию,
синонимию

При невозможности достичь «однопорядковости» средствами «русского языка» допускалась «поддерживающая» трансляция в «русский язык» средств «хорватского языка» как второго по «чистоте» языка, т. е. при доминантном соотношении «русский язык//хорватский язык» = «правильнее//правильно» периферийно проявлялось соотношение «русский язык//хорватский язык» = «правильно//правильнее».

Соединение результатов селекции «русских» языковых элементов и трансляции «хорватских» языковых элементов должно было привести к образованию единой структуры, минимальная «гибридность» которой может быть определена как «вертикальное соединение» языковых элементов иерархически заданных систем: «русский язык»// [хорватский язык].

Реконструированные теоретические взгляды Ю. Крижанича на природу «общего» славянского литературного языка могут быть верифицированы на конкретном языковом материале, например, на материале имен существительных, наиболее детально представленных в его грамматике.

Демонстрацией проведенного Ю. Крижаничем критического анализа именных

форм служат правила-комментарии, представленные во всех грамматических позициях. Применение принципа проблемного конструирования позволяет выявить и систематизировать доминантные правила, подтверждающие общие теоретические взгляды Ю. Крижанича, касающиеся структуры «русского языка» как «общеславянского» литературного языка.

Селекция «русских» языковых элементов (грамматические правила)

«Внутреннее видение»

1. правила → своја правила јних језиков

Јзкерник јед. јмен м.
(Лѣхом и Билорѣсјаном обичен, а въ словѣнскоѣ рѣчи сказан и не гбден јест Јзкерник нна Ѹ. ГИ, 151)
дбмѸ → дбма

ОрѸдник вн. јмен м., н., ж.
Придивник мн. јмен м., н., ж.
(Нѣмци и Жѣдови јест Ѹ Лѣхов наш језѣк мерзко сказѣли: а Билорѣсјани сѸт того скажѣн ја вногo зѸвзѣли: и на сем мѣстѸ чинѣт нестерпен прѣврат ГИ, 16):

братами → братми
братах → братѸх

2. неѸживано правило → Ѹживано правило

Особѣто прѣтвѸранје
от словесе → от слѸва
ко словеси → ко слѸвѸ
при словеси → при слѸвѸѣ

Јзкерник јед. јмен м.
камене → камена
пѸти → пѸта

Јменник вн. јмен м.
(Кончѣни на ЈѢ и на Ѣ, јесѸт згола сказани и мѣрзки. Ги, 10)
цѸрје → цѸри
свидѣтеле → свидѣтели

Крозник вн. јмен м.
(Мѣрзко и блѸдно се чтѣт въ нѣкобѸх мѣстѸх постављено ЈѦ или Ѧ. ГИ, 12)

«Внешнее видение»

правила отношения форм: иноязычные → исконные

Р. ед. суш. м.

формы на Ѹ → Ѧ

Т. мн. суш. м., с., ж.

П. мн. суш. м., с., ж.

формы на ѦМИ → МИ

формы на ѦХ → ѸХ

правила отношения форм: неупотребительные → употребительные

Парадигма ед. суш. с.

Р. формы на Е → Ѧ

Д. формы на И → Ѹ

П. формы на И → Ѹ

Р. ед. суш. м.

формы на Ѣ → Ѧ

формы на И → Ѧ

И. мн. суш. м.

формы на ЈѢ → И

формы на Ѣ → И

В. мн. суш. м.

телца → телци (телце)

Јзкерник јед. јмен ж/м.

Јменник—Зовник вн. јмен ж/м.

Крозник вн. јмен ж/м.

(Такóва неразли́чного творѣња на **А** илнти на **А**, нигдиже нист вь óбщем говорѣнјѸ. ГИ, 18)

от дѸша → от дѸши

вногнје дѸша → вногнје дѸши

Придивник—Противник јед. јмен ж.
(нист пригоднó тако бо развѣранје,
но паче вса јмена сего претвора
могѸтсе овди конѸит на Ђ. ГИ, 20)
рибѣ/стражи—рибѣ, стражѣ

3. Уживано:

а/.особито правило → обично правило

Противник јед. јмен м.

равови → рабѸ

Јменник вн. јмен м.

равове → рави

б/.неразѸмно правило → разѸмно пра-
вило

Придивник јед. јмен н.

(Да бѸдет рѸзност от Јменника, и от
Крозника, кнѣ се изрикајет на Ђ. Ги,
26)

при лицѣ (е) → при лица

Јзкерник вн. јмен м.

(Смотрѣцкѣ чинѣт сѣь прѣгѣв
јменникѸ јединичномѸ сподбвен. Али
вса јмена правнино се творѣт на **ОВ**,
и на **ЃВ**. ГИ, 13—14)

рав → рабѸв

ОрѸдник вн. јмен м.

пѣрсти → пѣрстми

формы на **А** → **И**, **Ѓ**

Р. ед. сущ. ж./м.

И.—З. мн. сущ. ж./м.

В. мн. сущ. ж./м.

Р. формы на **А** → **И**

И. В. формы на **А** → **И**

П.—Д. ед. сущ. ж.

формы на **Ђ/И** → **Ђ**

правила отношения форм: нестан-
дартные→стандартные

Д. ед. сущ. м.

формы на **ОВИ ЃВИ** → **У**

И. мн. сущ. м.

формы на **ОВЃ/ЃВЃ** → **И**

разрешающие→снимающие омони-
мию или синонимию

П. ед. сущ. с.

формы на **Ђ** → **Ђ/И**

Р. мн. сущ. м.

формы на **Ø** → **ОВ/ЃВ**

Т. мн. сущ. м.

формы на **Ы/И** → **МИ**

Структурное «ослабление» «русского языка», проявлявшееся в невозможности достижения в отдельных позициях «прозрачности», комденсировалось за счет трансляции «хорватских» форм. При этом транслируемая форма предлагалась Ю. Крижаничем как вариант для обсуждения и вводилась не в образец склонения, а в тексты, показывающие потенциальную книжную справку.

Трансляция «хорватских» языковых элементов
(А: грамматические правила)

Крозник вн. јмен м.
(РѸсјани творѣт сѣь прѣгнѣ на И, и не мѡгѸт
разлѸчѣт крознѣка, от јменнѣка. Сѣь прѣгнѣ по
ХервѡтскѸ изхѡдит на Ё.Ј сѣьце лѣпо се
разлѸчајет крознѣк от јменнѣка. ГИ, 11—12)

Повѣли сѸт Пѣрси ТѸрки. (недоѸмно
изречѣње)

Повѣли сѸт Пѣрси ТѸрков. (изречѣње по
нѡже)

Повѣли сѸт Пѣрси ТѸрке. (изречѣње без
недоѸмја).

В. мн. сущ. м.

формы на Ы/И → Ё

формы на ОВ/ЄВ:Ы/И → Ё

В: (книжная справка)

Пс. 50: **Возложѡт на олтар твоѡ телца → телцѣ или телцѣ.**

Система форм, получивших в результате проведенного Ю. Крижаничем критического анализа статус правильных форм «русского языка», может быть представлена в итоговой таблице:

Падеж	1,2 склонения	5,5 склонения	3 склонения	4 склонения
	типы брат/краль	типы лито/лице	тип рыба	тип рѣч
Ед. ч.				
И.	—	О/Є	А	—
З.	Є/Ѹ	О/Є	О	—
В.	А: —	О/Є	Ѹ	—
Р.	А	А	И	И
Д.	Ѹ	Ѹ	Ъ	И
П.	Ъ	Ъ/И	Ъ	И
Т.	ОМ/ЄМ	ОМ/ЄМ	ОЈѸ/ЄЈѸ	ЈѸ
Мн. ч.				
И.	И	А	И	И
В.	И—Є	А	И	И
Р.	ОВ/ЄВ	—	...	ЄЪ
Д.	ОМ/ЄМ	ОМ/ЄМ	АМ	ЄМ
П.	ЪХ	ЪХ	АХ	ЄХ
Т.	МИ	МИ	АМИ	МИ

Таким образом, предложенная Ю. Крижаничем система именных форм, диагностическими признаками которой были генетическая «чистота», употребительность, стандартность и невариативность, соответствовала теоретическим требованиям, предъявляемым к «простому» литературному языку, призванному служить делу славянского просвещения и конфессионального единения.

«Общеславянский» литературный язык XIX в.: модель М. Маяра

В XIX в. «славянский вопрос» приобрел этнический характер, ибо его содержанием стала идея кровного единства славян, идея «всеславяинства» и его мирового признания.

Национальные и этнические принципы, во имя которых защищались и освобождались слабые и угнетенные народы, стали ведущими ориентирами для всего европейского общества. В эту эпоху представления о едином человечестве сменялись представлениями о множественности культурно-исторических типов, а всемирная история сменялась историями отдельного и независимого развития данных типов. При этом в ранг культурно-исторического типа могло быть возведено лишь такое объединение народов, которое обладало «отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий» [7].

Способность именно языка стать диагностическим признаком существования культурно-исторических типов определялась тем, что язык вступал в отношения взаимодополнительности с человеком — народом — нацией. Такое необходимое со-бытие языка и человека было мотивировано глубинными изменениями в структуре познания, заключавшимися в том, что язык стал одним из объектов познания, т. е. познать язык значило теперь применить общие методы знания в особой предметной области [3].

Утрата абстрактным языком привилегированного положения в структуре познания компенсировалась тем, что каждый конкретный язык, имевший бытие и историю, обретал самоценность, нуждаясь лишь в ее «раскрытии» посредством анализа. Принципиальная установка на самодостаточность и собственную ценность каждого языка заменяла функциональную иерархию языков их функциональным соположением во времени и в пространстве. Только предустановленное соположение языков давало возможность сравнивать языки, т. е. мыслить их внутренние структуры во взаимоотношении. Само сближение-сравнение языков определяло их структурную «прозрачность», позволяя дифференцировать общие и локальные, стандартные и нестандартные языковые элементы, в которых прочитывалось структурное прошлое и прогнозировалось структурное будущее. Усиливавшаяся при этом этнолингвистическая рефлексия не только «раскрывала» сходства языков, находившихся в «братском времени и пространстве», но и «развивала» эти сходства. Так, посредством проведения сравнительно-исторической селекции и контаминации языковых элементов мог осуществляться переход от прерывной языковой совокупности к непрерывной, т. е. переход от группы родственных языков к единому «общему» языку. Выявляемый в процессе сравнительно-исторического анализа состав языковых элементов и характер их отношений в пределах отдельно взятого языка, в пределах группы родственных языков или в пределах моделируемого «общего» «макроэтнического» языка фиксировался в грамматических сочинениях, представлявших собой своеобразные научно-дидактические обзоры.

Таким образом, и в новых условиях «всеславянское пространство встречи» первоначально должно было стать «пространством языка — родственных языков — «общего» языка», чтобы затем стать самоценным «культурно-историческим пространством».

В широком спектре предлагаемых этнически мотивированных панславистических реформ особое место занимали лингвистические опыты словенца М. Маяра, написавшего грамматику «взаимославянского» языка («Uzajemni pravopis slavjanski to je Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska») [8].

Само название основного грамматического сочинения М. Маяра позволяет реконструировать доминанту его лингвистической логики, а именно идею возможного «построения» «общеславянского» литературного языка. Последовательно развивая мысль о «всеславянской» лингвистической реализации, М. Маяр призывал славянских писателей «писать взаимно» («Pisati uzajemno je prepole zno, prekoristno

и необходимо потребно» VII, 7). Отвечая на вопрос «что значит писать взаимно», М. Маяр объяснял, что писать взаимно значит писать на современных славянских литературных языках так, чтобы они постепенно сближались и уподоблялись друг другу («Pisati uzajemno se pravi: pisati v dosadajnih književnih jezikih pa tako, da se oni po malo bližaju i med seboj podobneji prihadjaju ...» VII, 5). Возможность структурного сближения и уподобления славянских литературных языков была, по мнению М. Маяра, мотивирована историей славян, имевших в истоке единый старославянский литературный язык, а также современным функциональным равенством сложившихся национальных литературных языков. Свою основную лингвистическую задачу М. Маяр видел лишь в том, чтобы создать механизм, облегчавший сближение и уподобление языков.

Предложенный М. Маяром порождающий механизм «взаимнославянского» языка может быть реконструирован как сравнительно-историческая селекция языковых элементов, реализованная на материале русского, сербохорватского, чешского и польского литературных языков. Содержанием сравнительно-исторической селекции был отбор языковых элементов, демонстрировавших оправданную историей тотальную стандартность и употребительность.

Так, статус структурно-образующих «взаимнославянских» форм получали: 1) общие стандартные формы, поддержанные языковой традицией («one, koje su obične vsemu slavjanskomu narodu ali većej njegovoj straně» VII, 12); 2) локальные стандартные формы, мотивировавшие «включение» во «взаимнославянском» языке механизма *контаминации* («one, koje su obicne v Slaviji, samo da je v někojih krajih obična i navadna jedna, v drugih druga ... spisovatelj si može svobodno izmed nju izbrati onu, koja se njegovomu narečju bolje prileže ali obě» VII, 12, 110).

Соответственно, не получили доступа во «взаимнославянский язык»: 1) общие нестандартные формы, заданные традицией; 2) локальные нестандартные формы («one, koje su nedoslědne i neslovospitne» VII, 12), нарушающие либо исходную формальную, либо исходную семантическую дистрибуцию.

Соединение результатов сравнительно-исторической селекции и контаминации языковых элементов должно было привести к образованию единой структуры, принципиальная «гибридность» которой может быть определена как «горизонтальное соединение» языковых элементов соположенных систем: русский язык + сербохорватский язык + чешский язык + польский язык.

Реконструированные общие теоретические установки, положенные М. Маяром в основу создания «взаимнославянского» литературного языка, могут быть верифицированы на конкретном языковом материале, например, на материале имен существительных.

Демонстрацией сравнительно-исторического отбора именных форм служат представленные М. Маяром «взаимные правила», дополненные языковым материалом, данным в параметрах современной терминологической системы.

Сравнительно-историческая селекция (грамматические правила)

«Внутреннее видение»

1. Pravila uzajemna (sklanja na U, sklanja prirastkova)

pravilo A:

Koliko zaběgaš v jednotnik na *ou*, rědčjeje, toliko pišješ pravilněje (pad 2 na —A, pad 6 na — **Ћ**) (VII, 94—96)

«Внешнее видение»

правила отношения форм: общие нестандартные → общие стандартные

(все языки)

Р. ед. сущ. м. формы на У (U) → А
П. ед. сущ. м. формы на У (U) → А

pravilo B:

Delaj pišuč uzajemno pad 2 množni v obce s prirastkom, vse ostale pade bez prirastka (pad 3 jedn. na Y, pad 1 mn. na (b)I)

2. Pravila uzajemna

pravilo A:

Sklanjaja statna imena v vsěh padih i čislih doslědno po toj istoj sklanji i po tom istom priměřě, k kteromu statno pridnaleži glede na pad 1 jednotni — brez ostudnoga preskakivanja v srědě sklanje v pojedinih padih iz jedne sklanje v drugu, iz tverdoga primera v mehěk ali na opasko (VII, 113—117)

pravilo B:

Pišuč uzajemno sklanjaja statna imena osobna ali neosobna, životna ali bezživotna, pravilno v jednotnom pade 2 na —A, v pade 3 na —Y, v pade 6 na —t, v pade 1 mn. na (b)I

Ruskopoljsko stavljane pada 2 mesto 4 se sovsem protivi značajui duhu jezika slavjanskoga (VII, 110, 120—121)

(чешский, польский язык)

Д. ед. м. формы на OVI (OWI) → У
И. мн. м. формы на OVE (OWIE)
→ (b)I

правила отношения форм: локальные нестандартные → общие стандартные

(польский язык)

И. мн. сущ. м. формы на А → (b)I
Р. мн. сущ. ж. формы на ÓW → Ø
Д. мн. сущ. ж. формы на OM → AM
Т. мн. сущ. ж. формы на I → AMI

(чешский язык):

И. мн. сущ. м. формы на I, OVE/Y
→ (b)I
Р. ед. сущ. м. формы на A/U → A
Д. ед. сущ. м. формы на OVI/U → У
П. ед. сущ. м. формы на U/E → t

(русский язык)

В. мн. сущ. всех родов формы на OV/Ы → I

(польский язык)

В. мн. сущ. м. формы на ÓW/Y → I

Система полученных в результате сравнительно-исторической селекции «взаимославянских» именных форм может быть представлена в виде итоговой таблицы:

Падеж	1 склонение	2 склонение	3 склонение	4 склонение
Ед. ч.				
И.	—	o/ε	а	—
Р.	а	а	I/ε	I
Д.	у	у	т/I	I
В.	а:—	o/ε	у	—
З.	ε/у и ε		o/ε	I
Т.	т/I	т/I	т/I	I
П.	om/εm	om/εm	у?	IIу
Мн. ч.				
И.	(b)I	а	I/ε и ε	I
Р.	ov/εv и εj	—	—	II
Д.	om/εm и am	om/εm и am	om и am	εm и am
В.	I/ε и ε	а	I/ε и ε	I
З.	(b)I		I/ε и ε	I
Т.	ix и ax	ix и ax	ax	εx и ax
П.	I и amI	I и amI	amI	mI и amI

Предложенная М. Маяром система именных форм, диагностическими признаками которой были генетическая общность, стандартность и мотивированная вариативность, соответствовала теоретическим установкам, определявшим суть «взаимнославянского» языка, призванного стать маркером «всеславянства» как самобытного культурно-исторического типа.

Проведенное проблемное исследование показало, что порожденные в разных хронологических и локальных пространствах модели «общеславянского» литературного языка не были периферийными прорывами в прошлое, не нашедшими резонанса в своем времени, а наоборот, являлись репрезентантами тех духовных эпох, когда «человеческий мир сближается не только в перспективе будущего, но и с точки зрения ретроспективного культурно-исторического анализа» [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 18.
2. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 15.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Спб., 1994. С. 319—324.
4. Овјасњенје вѣводно о пѣсмѣ Словѣском. // ЖМНП. 1888. XII, (в тексте Об); Граматично изкáзанје об руском језику, поа Јурка Крижаница / Изд. Бодянский О. М. М., 1859. в тексте ГИ).
5. Экман Т. Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича. // Dutch Contributions to the 5 International Congress of Slavists. The Hague, 1963. С. 46.
6. Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. М., 1901. С. 57.
7. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. // Соловьев В. С. Сочинения. М., 1989. Т. 2. С. 362.
8. Majar M. Узајемни правопис славјански то је Uzaјетпа Slovница ali mluvnica Slavjanskaq. Praha, 1865 (в тексте УП).
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 143.